

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 789-797
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.789

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

At the Dawn of Emancipation: Penza Province before and after M.E. Saltykov (Shchedrin)

Olga A. Sukhova ^{a,*}, Anna A. Timakova ^a

^a Penza State University, Russian Federation

Abstract

The problems of multiple representations of provinciality, as well as the formation of the identity of the region, are considered in the article. Based on the analysis of an array of sources published and introduced into scientific circulation for the first time (office materials, epistolary heritage documents, fiction literature), as well as the results of research practice, the factors, content and specifics of the development of self-awareness of the Penza community are determined in the abolition of serfdom and liberal reforms of 1860th context. The unique experience of reception and exploration of innovative characteristics was studied on the example of M.E. Saltykov-Shchedrin as Chairman of the Penza State Chamber.

A comparative analysis of documentary evidences and the grotesque of Penza representations in the works of the great writer makes it possible to identify the most significant subjects of social perception and the contradictions of the initial stage of sociocultural transformation. The status of a “noble nest”, an outpost of noble land expansion, the complex nature of ethnopolitical evolution, the incompleteness of social integration processes predetermined the crisis-cyclical logic of the Russian hinterland identity development in the first decades of post-reform development. At the same time, it should be noted that there are opportunities in the social environment for the perception of innovative ideas and behavioral strategies that correspond to the initial stage of the assertion of modern consciousness.

Keywords: Penza region, 1860s, power and society, activities of M.E. Saltykov-Shchedrin, regional identity, typology of provinciality.

1. Введение

Актуальность изучения исторического опыта переломных эпох определяется необходимостью адаптации российского социума к новым вызовам современности, угрожающим региональной интеграции и сохранению территориальной целостности страны.

В 1860-е гг. Пензенская губерния представляла собой сложное и противоречивое (на грани раскола) переплетение двух моделей идентичности, одну из которых можно описать как сохранение традиций «дворянского гнезда», а другую – как изживание «бунтарства», свойственного краю ойкумены.

Территория губернии в 33 334 кв. версты, разделяемая водоразделом Донского и Волжского бассейнов, определялась географическим тяготением к Волге, а следовательно, к культурному ландшафту Поволжья (Розенберг, 2011: 82). В поисках региональной специфики статистические обзоры акцентировали внимание на «первобытном состоянии» путей сообщения и агротехнологий, а в числе преимуществ называли семь почтовых трактов, расходившихся от губернского центра, а также «тучную, жирную землю», благодаря которой губерния носила статус хлебобордной со средним урожаем в сам 4,7 для озимых культур (Списки населенных мест..., 1869: II–X). В основном здесь возделывали рожь, овес и гречку. К этой характеристике следует добавить безраздельное господство трехполья и отсутствие улучшенных земледельческих орудий (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4267. Л. 8-8об., 9).

* Corresponding author

E-mail addresses: savtemp@yandex.ru (O.A. Sukhova), anna.a.timakova@gmail.com (A.A. Timakova)

Фабрично-заводская промышленность региона все еще оставалась сферой приложения дворянских капиталов: в 1864 г. в уездах действовало 79 винокурных заводов, производивших до 3 195 000 ведер вина, а также 29 суконных фабрик. В губернском центре прослеживается деятельность писчебумажной фабрики (производительностью до 15 200 рублей), паровой мельницы (7 500 руб.) и ряда незначительных мыловаренных, кожевенных чугунолитейных предприятий (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4267. Л. 96). Главными предметами торговли в городах выступали «изделия мануфактурные, различного рода ткани, галантерейные вещи», в селениях – «кожа, скот, хлеб, дерево и деревянные изделия, масло». Самые значительные ярмарки проходили в г. Пензе, Саранске, в с. Александровке Саранского уезда и затем в гг. Краснослободске, Нижнем Ломове и Чембаре (Списки населенных мест..., 1869: XXXIII).

В начале 1864 г. в Пензенской губернии насчитывалось 1 790 населенных мест, 146 582 двора и 1 068 021 душа жителей, из коих 518 799 мужчин, 594 222 женщин. С момента переиздания штата в 1802 г. административно-территориальное деление никаких изменений не претерпело: губерния включала десять уездов и три заштатных города. В 11 поселениях проживало свыше 3 000 душ, что превосходило численность населения во многих уездных центрах. Численность инородческого населения составляла: мордвы – 124 057 жителей обоего пола, татар – 54 183 человека, мещеры – 36 994 человека (Списки населенных мест..., 1869: XVIII–XXVIII). Сельское население было представлено почти в равных долях государственными и временнообязанными крестьянами (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4267. Л. 7).

На другом полюсе социального мира находилось дворянство, стремительно теряющее свое положение и статус в результате ликвидации крепостнической системы: «Вы даже не поверите, чтобы могло когда-нибудь такое время существовать: ...Чтобы вдруг целая масса людей оказалась ни на что не годною, кроме раскладыванья гранпасьянса» (Салтыков-Щедрин, 1969: 21). Сухие статистические данные губернаторского отчета раскрывают картину глубокого кризиса дворянского землевладения. Так, к 1864 г. из 1 596 помещичьих имений, формировавших очаги имперского присутствия на территории губернии, 1 197 было заложено, 81 передано в опеку, а 15 подвергнуто публичной продаже (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4267. Л. 20б.).

Провинциальное общество приходило в себя после мощного всплеска крестьянского недовольства, спровоцированного условиями выхода из крепостного состояния и нерешенностью главного вопроса, определявшего суть крестьянского бытия, – вопроса о земле. С марта по июнь 1861 г. крестьянское сопротивление в различных формах – от неповиновения начальству и владельцам до мятежей под монархическими лозунгами – фиксировалось повсеместно на всей территории губернии (Догаева, 2014: 174-175).

К 1864 г., по оценкам губернского начальства, «возбужденное состояние, которое вследствие ложных надежд на пользование землею без платежа повинностей, особенно выказалось в 1861 г. и было причиной сильного недоверия к их владельцам», исчерпало свой протестный потенциал. Вместе с тем власти фиксировали ухудшение криминогенной обстановки в регионе и рост числа преступлений (святотатств, убийств, грабежей и краж, поджогов, хищений леса из казенных дач), что объяснялось «грубостью нравов» и «своевольством» простого народа, отменой крепостного права, телесных наказаний и «открытием повсеместно дешевой продажи вина» («Положение о питейном сборе», отменявшее систему откупов, введено в действие с 1 января 1863 г.) (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4267. Л. 180б.-190б., 56-560б.).

В то же время империя столкнулась с очередной волной национально-освободительного движения. Местное дворянство поспешило засвидетельствовать свою лояльность монарху и откликнулось на прекращение мятежа в Царстве Польском и возвращение поляков «к исправлению их обязанностей» рядом верноподданнических телеграмм: «Великий подвиг усмирения мятежа на Северо-западе России и в части Царства Польского высоко оценен Вашими соотечественниками» (Пензенские губернские ведомости, 1864: 1). И вскоре Пензенская губерния получила статус передового рубежа «внутренней окраины» и стала местом ссылки и размещения «неблагонадежного элемента». В 1864 г. по распоряжению министра внутренних дел при Пензенском тюремном замке было устроено специальное помещение (арестантская рота) для пребывания политических узников – участников польского восстания 1863–1864 гг. Первые 62 повстанца из Царства Польского и западных губерний прибыли в Пензу в июне 1864 г. Кроме того, на территории губернии под надзором полиции состояло 262 выходца из Царства Польского, так или иначе причастных к восстанию (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4267. Л. 230б.-24).

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена делопроизводственной документацией местных органов имперской власти, извлеченной из фондов Государственного архива Пензенской области (Пенза, Российская Федерация), произведениями художественной литературы и материалами эпистолярного наследия М.Е. Салтыкова-Щедрина и К.М. Салтыкова, сына писателя (Салтыков, 1923). Описание региона к моменту назначения М.Е. Салтыкова представлено в отчете начальника Пензенской губернии за 1864 г. (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4267). Сведения губернатора подкреплены

данными Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел ([Списки населенных мест..., 1869](#)). Особое значение для решения исследовательских задач имеет эпистолярное наследие писателя, подготовленное к публикации С.А. Макашиным ([Макашин, 1959: 449-536](#); [Салтыков-Щедрин, 1975](#)).

Обширный массив эпистолярных источников и разнородных исследований биографического характера, посвященных жизни и творчеству М.Е. Салтыкова-Щедрина в пензенский период его службы, представлен отдельным изданием ([М.Е. Салтыков в Пензенской губернии, 2021](#)).

Изучение социокультурного пространства российской провинции возводит в ранг обязательных методы герменевтики, семиотики и семантики, анализа языковых приемов передачи информации в определенный исторический период. Особый ракурс проблеме придает ее прочтение в границах сложившейся системы коммуникаций, социального взаимодействия, опосредованных условиями формирования хронотопа, исторически локализованного сообщества.

Осмысление «провинциального», типология провинциальности предполагает два измерения. С одной стороны, концепт «провинция» отражает специфику российского имперства как идеологического обоснования нацистроительства. В этом случае XIX в. предстает как время, когда «колониационные» скрепы, организующие пространство, размываются: общие тренды унификации и стабилизации регионов стирают отличия между «дворянскими гнездами» Центральной России и ее ближайшими или внутренними окраинами, что, впрочем, не исключает повсеместного взаимопроникновения «аккультурационных» и «колониальных» методов ([Кабытов, Тюрин, 2021: 117-118](#)).

С другой стороны, пространство провинции читается как антипод столицам, но одновременно как пространство коммуникации и взаимовлияния информационных полей, в результате которого формируется подлинная российская идентичность. В качестве каналов наполнения и трансформации информационной среды позднеимперского периода рассматриваются периодические издания, официальные объявления, церковные проповеди, телеграф и телефон, социальные слухи ([Карнишина, Карнишин, 2019: 18](#)). Фактором исключительного значения в самопознании общества в XIX в. выступает творчество российских писателей, создававших ментальные проекции и актуальные тренды. Обращение к опыту историко-биографического исследования жизни и деятельности М.Е. Салтыкова-Щедрина позволяет раскрыть уникальную практику типологии провинциальности через призму государственной службы, личное участие в обустройстве локального мира.

3. Обсуждение

Зарождение местной традиции изучения провинциальной идентичности в жизни и творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина напрямую соотносится с публикацией биографического эссе «Интимный Щедрин», написанного его сыном, К.М. Салтыковым, в Пензе ([Салтыков, 1923](#)). К столетней годовщине со дня рождения писателя «Трудовая правда» (орган издания Пензенского губкома ВКП(б) и губисполкома) опубликовала статью М. Молебнова «М.Е. Салтыков-Щедрин: вокруг новых архивных материалов». Автор впервые обратился к «административному» наследию писателя, изучив делопроизводственные материалы Пензенской казенной палаты – черновые рукописи М.Е. Салтыкова по вопросам урегулирования торговой деятельности, уплаты налогов и сборов; протоколы заседаний губернского по крестьянским делам присутствия с указанием «особого мнения» председателя казенной палаты по поводу требований перевода крестьян на обязательный выкуп; докладные записки об улучшении материального положения своих подчиненных. М. Молебнов причисляет Салтыкова к когорте администраторов-технократов, противопоставлявших себя остальному чиновному миру провинции ([Трудовая правда, 1926: 2-3](#)).

В небольшой заметке А. Храбровицкого, опубликованной в «Сталинском знамени» в 1945 г. и послужившей в дальнейшем основой очерка, вышедшего в отдельном издании, М.Е. Салтыков предстает уже непримиримым борцом с царской бюрократией (в оценке жандармского управления он «весьма неблагонадежного образа мыслей и вредного в политическом отношении нравственного направления», позволявший «неблагонамеренные и дерзкие» высказывания). Отметим констатацию общественного признания в оценках жандармских офицеров: высокий авторитет Салтыкову в пензенском обществе обеспечивала его литературная слава. С другой стороны, автор фиксирует ментальную репрезентацию Пензы в образе «города Брюхова» ([Сталинское знамя, 1945: 2](#); [Храбровицкий, 1946: 66-75](#)).

Более детально повседневные будни службы М.Е. Салтыкова-Щедрина как председателя Пензенской казенной палаты и объекта пристального внимания со стороны жандармов были изложены в работах Б. Бухштаба ([Бухштаб, 1931](#); [Бухштаб, 1947](#)). В исследовании известного пензенского журналиста О.М. Савина описаны сатирические приемы типизации пензенской действительности, выраженные средствами эзопова языка в произведениях писателя ([Савин, 1984: 74-83](#)). Нельзя оставить без внимания целый пласт произведений С.А. Макашина, посвященный изучению биографии М.Е. Салтыкова-Щедрина и его художественным, литературно-творческим исканиям ([Макашин, 1984](#)).

Проблема изучения деятельности и творчества М.Е. Салтыков-Щедрина не утратила своей актуальности и в современной историографии. В центре нашего внимания оказалась, главным

образом, сатирическая репрезентация российской политической истории, впервые выраженная через абсолютизацию бюрократического начала и тотальность управления (Никольский, 2012: 315-316; Ранчин, 2014: 93).

4. Результаты

Назначение в Пензу М.Е. Салтыков получил 6 ноября 1864 г. Ведомственная подчиненность и круг его служебных обязанностей на посту председателя Пензенской казенной палаты определялись Министерством финансов империи (Арсеньев, 1890: LXXXV). 14 января 1865 г. Салтыков засвидетельствовал свое вступление в должность (Салтыков-Щедрин, 1975: 298). Возвращение на государственную службу было во многих отношениях вынужденным шагом. Личное знакомство с министром финансов М.Х. Рейтерном и оклад в три тысячи рублей примирили литератора, оставленного «на произвол судьбы и министерства финансов», с финансовыми затруднениями и цензурным прессингом (Салтыков-Щедрин, 1975: 298). В своем письме П.В. Анненкову от 2 марта 1865 г. М.Е. Салтыков, как известно, дал первую и далеко не лестную оценку новому месту службы: «О Пензе могу сказать одно: не похвалю...». Основой для уничижительной критики послужило архаичное состояние местного управления, вязкая тина традиционной дворянской службы, борьба с которой отнимала все силы. В сетованиях автора просматривается явная аналогия с усилиями Геракла, расчищавшего Авгиевы конюшни (Салтыков-Щедрин, 1975: 298-299).

Салтыков действительно полностью погрузился в проблемы менеджмента как в рамках казенной палаты, так и во взаимодействии с другими структурами власти и управления, следуя своему кредо («я служу честно»; письмо Д.Е. Салтыкову от 19 февраля 1851 г.; Салтыков-Щедрин, 1975: 80). Эти усилия почти остановили литературную деятельность: за период 1865–1867 гг. в «Современнике» появилось лишь одно произведение писателя – «Завещание моим детям». «Завещание...» стало своего рода ментальной репликой провинциального сообщества, созданной по горячим следам. Об отправке очерка «для помещения в “Современнике”» Салтыков напишет Н.А. Некрасову 8 апреля 1865 г. (Салтыков-Щедрин, 1975: 300). В гротескной персонифицированной форме автор передает смятение и безысходность положения дворянства, некогда главенствовавшего в провинциальном обществе, а теперь растерявшего свое былое величие. Ликвидация крепостнической системы разрушила последние надежды на восстановление сословных привилегий: «А прав не было! <...> «Завелась у нас эта эмансипация. Начальство ее придумало, оно же и приказать изволило – не спорю! Надо, стало быть, исполнять» (Салтыков-Щедрин, 1969: 20).

С момента поступления на государственную службу за Салтыковым закрепился ореол жесткого и принципиального администратора с остро переживаемой потребностью к рационализации и уважением к верховенству закона, что в реалиях провинциальной повседневности оценивалась как настоящая угроза: «Он едет в Рязань вице-губернатором и распугает, верно, всю губернию своим появлением» (Макашин, 1959: 452). Новые стандарты поведения соответствовали духу времени и отражали общую тенденцию к либерализации общества. Возглавив казенную палату, Салтыков оказался на гребне волны преобразований: в 1862–1868 гг. Россия вступила в полосу реформирования финансовой системы. Чуть позже в «Письмах о провинции» восприятие реформ в сознании обывателей будет представлено как раскол, потрясение «заведенного порядка». «Прирожденные историографы» столкнулись с приливными волнами нарушителей спокойствия – «пионерами», появившимися в регионах вслед за созданием новых управленческих структур: «Уж на что благонамеренными пионерами явили себя акцизные чиновники, а какого переполоха наделало их появление! <...> и до какой дошло ядовитости относительно людей суда и земства» (Салтыков-Щедрин, 1969: 190-191).

Напомним, что начало службы М.Е. Салтыкова в Пензе (1865–1866 гг.) совпало с открытием уездных (15–20 февраля) и губернского (10 марта 1865 г.) земских собраний. К этому времени в губернии уже действовали акцизные управления и контрольные палаты. К реализации реформы местного самоуправления и созданию губернских и уездных земских учреждений Временный губернский комитет приступил 24 июня 1864 г. (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4267. Л. 13, 150б.).

Сферой приложения энергии Салтыкова, «пришельца» – «пионера», носителя либеральных идей, становится повышение эффективности налоговой системы, бескомпромиссная борьба с беспощинной торговлей (ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2232. Л. 49-500б.) и защита интересов крестьянства в губернском по крестьянским делам присутствии. Сам писатель верно оценил значение новых управленческих практик в жизни российской глубинки: «К чести новых пришельцев нужно сказать, что ежели в современную провинциальную жизнь начинают вторгаться умственные интересы, то этим она обязана исключительно им» (Салтыков-Щедрин, 1969: 194).

Функционал председателя казенной палаты обеспечивал широкие возможности для изучения локального сообщества. Так, по данным С.А. Макашина, с целью инспектирования казначейств за время службы Салтыков побывал во всех уездах губернии (за пределами Пензы – в Саранске, Мокшане, Нижнем Ломове, Чембаре, Инсаре, Краснослободске, Керенске, Наровчатке, Городище – он провел в общей сложности 38 дней) (М.Е. Салтыков-Щедрин, 2021: 64).

Несмотря на свое дворянское происхождение, Салтыков с самого начала обозначил независимость суждений и свой автономный статус в чиновном мире российской провинции. «Особое мнение» председателя казенной палаты нарушало монолит единодушия губернского начальства: Салтыков ни много ни мало противопоставлял себя губернатору, нанося ощутимый удар по его политическому имиджу. Повлиять на строптивного чиновника начальник губернии не мог по ведомственной принадлежности: председателя казенной палаты утверждал в должности министр финансов, тогда как губернатор получал назначение в Министерстве внутренних дел.

Участвуя в заседаниях губернского по крестьянским делам присутствия, председатель казенной палаты нередко отказывался ставить свою подпись под определением о выкупном объявлении или оставался «при особом мнении», оспаривая сведения мировых посредников о состоятельности крестьян. Журналы присутствия воспроизводят моменты, отражавшие дворянскую солидарность и фактически превышение должностных полномочий, как в случае с выкупным объявлением на имя генерал-майора А.Е. Волкенштейна от 23 ноября 1865 г., которое было рассмотрено «не в очередь», так как подлежало продаже с торгов. И здесь мы встречаем автограф Салтыкова «при особом мнении» (ГАПО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1791. Л. 37 об.; 49-49об.; 57-60; 69-69об.; Князев, 1963: 148-149). Примечателен и тот факт, что все дела о выкупе, на которые было «подано особое мнение» Салтыкова, поступали на рассмотрение министра финансов М.Х. Рейтерна, о чем Михаила Ефграфовича уведомили из ведомственной канцелярии 1 апреля 1866 г. (ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2232. Л. 43-43об.). С просьбой о содействии при рассмотрении дел об обязательном выкупе Салтыков обращался к министру финансов и напрямую, как в случае с именем Ильина, когда председатель казенной палаты усомнился в сведениях мирового посредника (ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2232. Л. 45-46об.; Ф. 54. Оп. 1. Д. 1791. Л. 36-37об.).

Вместе с тем Салтыков не страдал от «безлюдья» провинции. В письме своему сослуживцу по Пензенской казенной палате, Ф.А. Вонлярскому, уже с нового места службы из Тулы в июле 1867 г. Салтыков напишет: «В Пензе эта служба далеко не так несносна...» (Салтыков-Щедрин, 1975: 314). И эта оговорка есть не что иное, как дань уважения пензенскому кругу единомышленников автора, среди которых, помимо Вонлярского, встречаем Г.О. Розена, управлявшего в Пензе акцизными сборами в 1861–1866 гг. К пензенскому периоду службы Розена относится его поездка в Лондон, знакомство с Герценом и Огаревым и согласие стать корреспондентом «Колокола» (Макашин, 1959: 472-473).

Среди служащих казенной палаты образ просвещенного технократа остался во многом загадкой для «невежественных, темных, но добродушных и трудолюбивых провинциальных чиновников». В ряду его «удивительных» начинаний создание библиотеки и кассы взаимопомощи для служащих, ходатайства о дополнительном вознаграждении или повышенной пенсии своим подопечным (Салтыков, 1923: 38-40). В прошениях на имя председателя казенной палаты легенды о Салтыкове обретали значение метафоры: «Доброе сердце Вашего Превосходительства, известное многим по тем милостям, которые Вами были оказаны» (ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2232. Л. 37об.). Почти сакральное значение носило и упоминание о «Щедринском кресле» (Салтыков, 1923: 40). Пензенские семинаристы, по воспоминаниям Д.М. Львова, специально ходили к обедне увидеть автора «губернских очерков»: «Мы, бурсаки, обычно до начала обедни занимали места около клироса. <...> Заняв выгодные позиции, мы всю обедню не спускали глаз с Салтыкова» (Бухштаб, 1947: 40).

Романтический ореол строптивного критика российской действительности дополняли арест 1848 г., ссылка в Вятку и пребывание под гласным надзором полиции. Это объясняет особое внимание к Салтыкову со стороны жандармского штаб-офицера А. Глобы, регулярно отправлявшего в III отделение подробные характеристики председателя Пензенской казенной палаты и его столь же опасного окружения. Так, лейтмотивом донесения от 30 апреля 1866 г. выступает не проявление Салтыковым верноподданнических чувств в ответ на выстрел Д. Каракозова. Сей поступок, по словам информатора Глобы И.В. Сабурова, состоял в негодовании Салтыкова по поводу награждения О. Комисарова, оттолкнувшего руку стрелявшего («признает обидою и унижением для дворян возведение мужа за такой поступок в дворянское звание») (М.Е. Салтыков-Щедрин, 2021: 79).

Телеграмма министра внутренних дел Валуева о покушении на жизнь императора поступила в Пензу 5 апреля 1866 г. 14 апреля губерnsкие власти узнали имя государственного преступника. Глубина падения престижа власти определялась тем, что бывший студент Казанского, а затем Московского университета Д. Каракозов оказался сыном мелкопоместного дворянина Сердобского уезда соседней Саратовской губернии. На фоне молебствий о здравии императора первой главенствующей задачей властей стало устранение слухов, что «преступник сын помещика» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4541. Л. 1, 7-8).

В 1869 г. зарисовки пензенской натуры были облачены в форму рассказа «Испорченные дети» с прямым указанием на расшифровку: «Ныне я живу в имении моем, в Пензенской губернии». Главной миссией в борьбе с внутренними врагами Сережи Младо-Сморчковского, принявшего на себя звание «откровенного ребенка в П***», стал сбор информации, «в каких отношениях находятся губернский предводитель к губернатору, не разжигают ли акцизные чиновники народных страстей, какого рода конституции изготавливают чиновники контрольные...». Не меньше того занимали его гимназисты,

которым он давал понять, что «по нынешнему образованному времени, в некоторых государствах уже не родители детей секут, а наоборот» («Испорченные дети»; [Салтыков-Щедрин, 1969: 384-385, 391, 394](#)). Образ гимназистов является прямой отсылкой к тому, что и Каракозов, и многие участники радикального объединения, организованного его двоюродным братом Иштутиным, были воспитанниками пензенской гимназии и Дворянского института. Здесь же следует упомянуть об инциденте, произошедшем в пензенской гимназии в конце 1864 г., когда протест против административного произвола принял форму пощечины, нанесенной директору Шварбе гимназистом 6 класса Николаем Кузнецовым ([ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4429](#)), который за пощечину был исключен из учебного заведения, лишен права занимать какую-либо должность и отправлен на родину в Нижний Ломов под надзор полиции. Салтыков принял деятельное участие в судьбе Кузнецова и неоднократно, хотя и безуспешно, обращался к губернатору с просьбой об определении последнего на службу в казенную палату. Позже уже в Туле Салтыков сможет трудоустроить опального гимназиста ([М.Е. Салтыков в Пензенской губернии, 2021: 51](#)).

Говоря о пространственно-временном своеобразии художественного мира в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина, некоторые исследователи указывают на разделенность в нем столичного и провинциального хронотопов ([Павлова, 2006: 47](#)). Жизнь в столице обусловлена признаками модернизации, она контрастна и хаотична до фантазмагии. Течение времени в провинции иное – густое от стагнации, оно маркируется лишь правлением того или иного губернатора-помпадур. Пензенские впечатления нашли отражение в произведениях и провинциального, и столичного циклов, обогащая созданный классиком собирательный образ России.

Так, в рассказе «Испорченные дети» М.Е. Салтыков-Щедрин характеризует «необыкновенную» атмосферу губернии («Приехавши в П***...») разговорным, лексически сниженным словом «чавканье»: «Все ест, или отдыхает от еды, или вновь об еде помышляет» ([Салтыков-Щедрин, 1969: 385](#)). В таком краю найти свободомыслие или хотя бы просто мысль нелегко. А поиску именно этого посвящает все свое усердие откровенный ребенок. И хотя в 1860-е гг. Пенза оказалась на особом счету у III отделения, повседневность местного обывателя рисуется автором посредством всепоглощающей рутины потребления яств и питий ([Салтыков-Щедрин, 1988а: 51-52](#)). Чревоугодие и праздность – вот «орудие» от любого инакомыслия, глупость обывателя защищает государство от неблагонадежных элементов лучше жандармов, на это направлено острие сатиры Салтыкова в рассказе.

К провинциальному хронотопу относится и рассказ «Старый кот на покое» (1868), входящий в цикл «Помпадуры и помпадурши». М.Е. Салтыков-Щедрин небезосновательно опасался его публикации, поскольку под образом не названного по имени «отставного администратора», «старого доброго начальника» современниками угадывался А.А. Панчулидзе, возглавлявший Пензенскую губернию с 1831 по 1859 годы и вынужденный уйти в отставку после ревизии. Повествование ведется от имени уже бывшего коллеги, а ныне благодарного почитателя административных талантов старца, собирающего для истории и будущих поколений зерна мудрости сего «административного светоча». На преемственность административной манеры указывает и веление старика отдать его мемуары редактору известной своей консервативной позицией газеты «Московские ведомости» М.Н. Каткову, а самому быть похороненному рядом с первым пензенским губернатором Ф.Л. Вигелем (1801–1809): «...Вот когда я умру – тащите все к Каткову! Никому, кроме Каткова! Хочу лечь рядом со стариком Вигелем!» (Ф.Л. Вигель – пензенский губернатор в 1801–1809 гг.) ([Салтыков-Щедрин, 1988: 34](#)).

История пензенских губернаторов стала источником многих произведений Салтыкова-Щедрина. На создание сатиры «Зиждитель» (1874) писателя вдохновила фигура и деятельность А.А. Татищева, возглавлявшего губернию с 1872 по 1886 годы. Сатира представляет собой историю назначения помпадуром дворянина Быстрицына, прославившегося своей хозяйственной деятельностью. Быстрицын, как и подобает новому, клянется покончить с пагубной политикой прежних руководителей и полагает «прежде всего уничтожить пьянство; потом он положит предел крестьянским семейным разделам и, наконец, упразднит сельскую общину... Словом сказать, он предполагает действовать *ala Pierre le Grand*...» ([Салтыков-Щедрин, 1988: 238](#)). Но обыватель и испугаться не успеет призраку этих реформ. Необычным для поэтики Салтыкова-Щедрина является введение оппонента повествователю. Завершается рассказ прямолинейным советом Быстрицыну от некоего Глумова: «Помни, что ты помпадур и что твое дело не созидать, а следить за целостностью созданного» ([Салтыков-Щедрин, 1988: 242](#)), – так проводится мысль о губительности любой деятельности помпадуров по причине ее, в лучшем случае, бестолковости, а в худшем – и прямого вреда.

Еще один яркий пензенский образ рисует Салтыков-Щедрин в произведении «В больнице для умалишенных» (продолжение «Дневника провинциала в Петербурге»). Действие происходит в сумасшедшем доме, где неожиданно и, со своей точки зрения безосновательно, оказывается повествователь и встречает знакомого Ваню Поцелуева – корнета, бравого детину, озабоченного ранее лишь крепостью своих мускулов, обедом и цирком. В речи Вани путаются планы по коннозаводству и пензенские корнетты в парламенте: «Я так думаю, что если бы у нас были охотники до парламентов, то вместо того чтоб заставлять ездить смотреть на них за границу, я бы дома завел свой собственный парламент: нате! Смотрите! Вы подумайте только, mononcle, каких одна Пензенская губерния корнетов в этот парламент вышлет! Хотя сейчас на выводку. <...> Ну да, ежели собрать всех

пензенских корнетов в одну кучу. <...> В этом смысле... то есть в смысле выводки... парламент... Это был бы даже очень сильный шаг в истории нашего коннозаводства!» (Салтыков-Щедрин, 2013: 837). Причудливое отражение давно ставшей алогичной действительности смущает душу повествователя, заставляет сомневаться в собственном рассудке, и он входит в мир столичных безумцев, управляемый такими же Поцелуевыми.

5. Заключение

Гротескный образ «пензенских корнетов», потерянных для эпохи модерна, но тем не менее яростно защищавших собственную значимость, раскрывает одну из сторон кризиса провинциальной идентичности, проявления болезненной смены культурного кода. С другой стороны, пребывание М.Е. Салтыкова, ярчайшего представителя плеяды «пионеров», на пензенской земле становится предвестником пробуждения самосознания, гражданской инициативы, внутренней самодеятельности локального сообщества: «рядом с картами, в провинции уже зарождается потребность чтения и даже потребность мышления» (Салтыков-Щедрин, 1969: 195).

Пенза в топонимике Салтыкова-Щедрина стоит в одном ряду с Вяткой, Тулой, Рязанью, давая материал для собирательного образа России провинциальной. Перед нами – «Великая провинциальная метафора» Салтыкова-Щедрина, фрейм гротеска как оригинальное прочтение провинции, не отражающее зеркально реалий повседневности, но создающее уникальный ментальный след, образ Пензы, запечатленный в бессмертных творениях великого русского писателя.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20015, <https://rscf.ru/project/22-18-20015/>

Russian Science Foundation, сокращенное наименование – RSF. Ссылка на информацию о проекте: <https://rscf.ru/en/project/22-18-20015/>.

Литература

Арсеньев, 1890 – Арсеньев К.К. Материалы к биографии М.Е. Салтыкова / Сочинения М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина). Т. 9. Издание автора. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890. С. XI-XCI.

Бухштаб, 1931 – Бухштаб Б. После выстрела Каракозова // *Каторга и ссылка*. 1931. № 5. С. 61-67.

Бухштаб, 1947 – Бухштаб Б. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Пенза: Пензенское областное издательство, 1947. 61 с.

ГАПО – Государственный архив Пензенской области.

Догаева, 2014 – Догаева В.П. Крестьянское движение в Пензенской губернии в пореформенный период / Пензенский край в истории и культуре России. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. С. 174-181.

Кабытов, Тюрин, 2021 – Кабытов П.С., Тюрин В.А. Новое исследование об имперской аккультурации // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2021. № 3. С. 115-119.

Карнишина, Карнишин, 2019 – Карнишина Н.Г., Карнишин В.Ю. Информационная среда провинциальной России конца XIX – начала XX вв.: методология исследования // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2019. № 1. С. 15-22.

Князев, 1963 – Князев И.В. «Особые мнения» М.Е. Салтыкова-Щедрина (из материалов Пензенского областного архива) // *История СССР*. 1963. № 5. С. 147-150.

Никольский, 2012 – Никольский С.А. Русское мировоззрение. «Новые люди» как идея и явление: опыт осмысления в отечественной философии и классической литературе 40-60-х годов XIX столетия. Т. 3. М.: Прогресс-Традиция, 2012. 622 с.

М.Е. Салтыков в Пензенской губернии, 2021 – М.Е. Салтыков в Пензенской губернии / Антология. Пензенский край в мемуарах, художественной литературе и исследованиях / Составитель: И.С. Шишкин. Кн. 9. Пенза: Б/и, 2021. С. 31-132.

Макашин, 1959 – Макашин С.А. Неизданные и несобранные письма Салтыкова // *Литературное наследство*. 1959. Т. 67. С. 449-536.

Макашин, 1984 – Макашин С.А. Салтыков-Щедрин: середина пути, 1850-е – 1870-е годы: Биография. М.: Художественная литература, 1984. 575 с.

Павлова, 2006 – Павлова И.Б. Судьба России в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина. М.: Компания Спутник+, 2006. 134 с.

Пензенские губернские ведомости, 1864 – *Пензенские губернские ведомости*. 1864. № 1. 1 января.

Розенберг, 2011 – Розенберг Н.В. Региональная идентичность: роль природных и культурных факторов // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2011. № 4(20). С. 79-85.

Ранчин, 2014 – Ранчин А. Михаил Салтыков-Щедрин: сатирик на государственной службе // *Государственная служба*. 2014. № 6(92). С. 87-94.

- [Савин, 1984](#) – Савин О.М. «Еще очень недавно в Пензе...» / Пенза литературная. Пенза: Приволжское кн. изд-во, 1984. С. 74–83.
- [Салтыков, 1923](#) – Салтыков К.М. Интимный Щедрин. М.-Пг.: Государственное издательство, 1923. 79 с.
- [Салтыков-Щедрин, 1969](#) – Салтыков-Щедрин М.Е. Завещание моим детям / Собрание сочинений в 20 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1969. С. 7–24.
- [Салтыков-Щедрин, 1975](#) – Салтыков-Щедрин М.Е. Письма 1839–1868 / Собрание сочинений в 20 т. Т. 18. Кн. 1. М.: Художественная литература, 1975. 350 с.
- [Салтыков-Щедрин, 1988](#) – Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. М.: Правда, 1988. 542 с.
- [Салтыков-Щедрин, 2013](#) – Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 20 т. Т. 10. М.: Книга по Требованию, 2013. 843 с.
- [Списки населенных мест..., 1869](#) – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. XXX. Пензенская губерния. По сведениям 1864 г. СПб.: Типография Карла Вульфа, 1869. 120 с.
- [Сталинское знамя, 1945](#) – Сталинское знамя. 1945. № 34. 18 февраля.
- [Трудовая правда, 1926](#) – Трудовая правда. 1926. № 22. 28 января.
- [Храбровицкий, 1946](#) – Храбровицкий А. Салтыков-Щедрин / Русские писатели в Пензенской области. Пенза: Сталинское знамя, 1946. С. 66–75.

References

- [Arsen'ev, 1890](#) – Arsen'ev, K.K. (1890). Materials for the biography of M.E. Saltykov]. Sochineniya M.E. Saltykova (N. Shchedrina). T. 9. Izdanie avtora. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. Pp. XI–XCI. [in Russian]
- [Bukhshtab, 1931](#) – Bukhshtab, B. (1931). Posle vystrela Karakozova [After Karakozov's shot]. *Katorga i ssylka*. 5: 61–67. [in Russian]
- [Bukhshtab, 1947](#) – Bukhshtab, B. (1947). Mikhail Evgrafovich Saltykov-Shchedrin [Mikhail Evgrafovich Saltykov-Shchedrin]. Penza: Penzenskoe oblastnoe izdatel'stvo, 61 p. [in Russian]
- [GAPO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti [State Archive of Penza Region].
- [Dogaeva, 2014](#) – Dogaeva, V.P. (2014). Krest'yanskoe dvizhenie v Penzenskoi gubernii v poreformennyi period [Peasant movement in the Penza province in the post-reform period]. *Penzenskii krai v istorii i kul'ture Rossii*. Penza: Izd-vo PGU. Pp. 174–181. [in Russian]
- [Kabytov, Tyurin, 2021](#) – Kabytov, P.S., Tyurin, V.A. (2021). Novoe issledovanie ob imperskoi akkul'turatsii [New research on imperial acculturation]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. 3: 115–119. [in Russian]
- [Karnishina, Karnishin, 2019](#) – Karnishina N.G., Karnishin V.Yu. Informatsionnaya sreda provintsial'noi Rossii kontsa XIX – nachala XX vv.: metodologiya issledovaniya [The Information Environment of Provincial Russia in the Late XIXth – Early XXth centuries: Research Methodology]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. 1: 15–22. [in Russian]
- [Knyazev, 1963](#) – Knyazev, I.V. (1963). «Osobyie mneniya» M.E. Saltykova-Shchedrina (iz materialov Penzenskogo oblastnogo arkhiva) [“Dissenting Opinions” M.E. Saltykov-Shchedrin (from the materials of the Penza regional archive)]. *Istoriya SSSR*. 5: 147–150. [in Russian]
- [Nicol'skii, 2012](#) – Nicol'skii, S.A. (2012). Russkoe mirovozzrenie. «Novye lyudi» kak ideya i yavlenie: opyt osmysleniya v otechestvennoi filosofii i klassicheskoi literature 40–60-kh godov XIX stoletiya [Russian worldview. “New people” as an idea and a phenomenon: the experience of comprehension in Russian philosophy and classical literature of the 40–60s of the XIX century]. T. 3. M.: Progress-Traditsiya, 622 p. [in Russian]
- [M.E. Saltykov v Penzenskoi gubernii, 2021](#) – M.E. Saltykov v Penzenskoi gubernii [M.E. Saltykov in the Penza region]. Antologiya. Penzenskii krai v memuarakh, khudozhestvennoi literature i issledovaniyakh. Sostavitel': I.S. Shishkin. Kn. 9. Penza: B/i. Pp. 31–132. [in Russian]
- [Makashin, 1959](#) – Makashin, S.A. (1959). Neizdannye i nesobrannye pis'ma Saltykova [Saltykov's unpublished and uncollected letters]. *Literaturnoe nasledstvo*. 67: 449–536. [in Russian]
- [Makashin, 1984](#) – Makashin, S.A. (1984). Saltykov-Shchedrin: seredina puti, 1850-e – 1870-e gody: Biografiya [Saltykov-Shchedrin: the middle of the road, 1850s – 1870s: Biography]. M.: Khudozhestvennaya literatura, 575 p. [in Russian]
- [Pavlova, 2006](#) – Pavlova I.B. (2006). Sud'ba Rossii v tvorchestve M.E. Saltykova-Shchedrina [The fate of Russia in the work of M.E. Saltykov-Shchedrin]. M.: Kompaniya Sputnik+, 134 p. [in Russian]
- [Penzenskie gubernskie vedomosti, 1864](#) – Penzenskie gubernskie vedomosti. 1864. № 1. 1 yanvarya. [in Russian]
- [Rozenberg, 2011](#) – Rozenberg, N.V. (2011). Regional'naya identichnost': rol' prirodnykh i kul'turnykh faktorov [Regional identity: the role of natural and cultural factors]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. 4(20): 79–85. [in Russian]

- Ranchin, 2014 – *Ranchin, A.* (2014). Mikhail Saltykov-Shchedrin: satirik na gosudarstvennoi sluzhbe [Mikhail Saltykov-Shchedrin: satirist in public service]. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 6(92): 87-94. [in Russian]
- Savin, 1984 – *Savin, O.M.* (1984). «Eshche ochen' nedavno v Penze...» [“Very recently in Penza...”]. *Penza literaturnaya*. Penza: Privolzhckoe kn. izd-vo. Pp. 74-83. [in Russian]
- Saltykov, 1923 – *Saltykov, K.M.* (1923). *Intimnyj Shchedrin* [Intimate Shchedrin]. M.-Pg.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 79 p. [in Russian]
- Saltykov-Shchedrin, 1969 – *Saltykov-Shchedrin, M.E.* (1969). *Zaveshchanie moim detyam* [Testament to my children]. *Sobranie sochinenii v 20 t. T. 7.* M.: Khudozhestvennaya literatura. Pp. 7-24. [in Russian]
- Saltykov-Shchedrin, 1975 – *Saltykov-Shchedrin, M.E.* (1975). *Pis'ma 1839–1868* [Letters 1839–1868]. *Sobranie sochinenii v 20 t. T. 18. Kn. 1.* M.: Khudozhestvennaya literatura, 350 p. [in Russian]
- Saltykov-Shchedrin, 1988 – *Saltykov-Shchedrin, M.E.* (1988). *Sobranie sochinenii v 10 t.* [Collected works in 10 volumes]. T. 2. M.: Pravda, 542 p. [in Russian]
- Saltykov-Shchedrin, 2013 – *Saltykov-Shchedrin, M.E.* (2013). *Sobranie sochinenii v 20 t.* [Collected works in 20 volumes]. T. 10. M.: Kniga po Trebovaniyu, 843 p. [in Russian]
- Spiski naselennykh mest..., 1869 – *Spiski naselennykh mest Rossiiskoi imperii, sostavlennye i izdavaemye Tsentral'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del. XXX. Penzenskaya guberniya. Po svedeniyam 1864 g. guberniya* [Lists of populated places in the Russian Empire compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of the Interior. XXX. Penza region]. SPb.: Tipografiya Karla Vul'fa, 1869. 120 p. [in Russian]
- Stalinskoe znamya, 1945 – *Stalinskoe znamya*. 1945. № 34. 18 fevralya. [in Russian]
- Trudovaya pravda, 1926 – *Trudovaya pravda*. 1926. № 22. 28 yanvarya. [in Russian]
- Khrabrovitskii, 1946 – *Khrabrovitskii, A.* (1946). *Saltykov-Shchedrin* [Saltykov-Shchedrin]. *Russkie pisateli v Penzenskoi oblasti*. Penza: Stalinskoe znamya. Pp. 66-75. [in Russian]

На заре эмансипации: Пензенская губерния до и после М.Е. Салтыкова (Щедрина)

Ольга Александровна Сухова ^{a, *}, Анна Александровна Тимакова ^a

^a Пензенский государственный университет, Пенза, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы множественности репрезентаций провинциальности, а также формирования идентичности региона. На основе анализа массива источников, опубликованных и вводимых в научный оборот впервые (делопроизводственные материалы, документы эпистолярного наследия, художественная литература), а также результатов исследовательской практики определены факторы, содержание и специфика развития самосознания пензенского сообщества в условиях отмены крепостного права и либеральных реформ 1860-х гг. Изучен уникальный опыт рецепции и освоения инновационных характеристик на примере деятельности М.Е. Салтыкова-Щедрина в должности председателя Пензенской казенной палаты.

Сравнительный анализ документальных свидетельств и гротеска пензенских репрезентаций в работах великого писателя позволяет выявить наиболее значимые сюжеты социального восприятия и противоречия начального этапа социокультурной трансформации. Статус «дворянского гнезда», форпоста дворянской земельной экспансии, сложный характер этнополитической эволюции, незавершенность процессов социальной интеграции предопределили кризисно-циклическую логику развития идентичности российской глубинки в первые десятилетия пореформенного развития. Вместе с тем следует отметить наличие возможностей в социальной среде для восприятия инновационных идей и стратегий поведения, соответствующих начальному этапу утверждения модерн-сознания.

Ключевые слова: Пензенская губерния, 1860-е гг., власть и общество, деятельность М.Е. Салтыкова-Щедрина, региональная идентичность, типология провинциальности.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: savtemp@yandex.ru (О.А. Сухова),
anna.a.timakova@gmail.com (А.А. Тимакова)